

...Софья — главная ценность для Чацкого в фамусовской Москве. За ней, в сущности, или ради нее он и вернулся сюда. Но она и — главная цена, которую он должен заплатить за свой непримиримый конфликт "со всем обществом".

Софья — прямая родня Чацкого по духу. Но главный бой Чацкого выйдет против нее. И единственное, что по-настоящему останется в развалинах, когда он потребует карету и уедет, — это тоже она!

Грибоедов создавал новую традицию. Особого типа комедии. Российской. Грустной. комедии. Печальной. Как после комедии Островского и Чехова».

Н.И.Надеждин (о первой театральной постановки «Горя от ума» в Москве в 1831 г.):

«Софью Павловну играла г-жа Львова-Синецкая. Жалко было видеть эту умную и достойную актрису в роли, которая пойдет к ней. Сколь ни зыбко обрисована в самой комедии физиономия Софьи Павловны, больше, однако, причин согласиться, что в ней предполагалось изобразить идеал московской барышни, девы, с чувствованиями невысокими, но с желаниями сильными, едва воздерживаемыми светским приличием. Романтической девушкой, как полагают некоторые, она быть никак не может: ибо, в самом пылком исступлении воображения, невозможно замечтаться до того, чтоб отдать душу и сердце кукле Молчалину».

...о Молчалине...

А.С.Пушкин: «Молчалин недовольно резко подл, не нужно ли было сделать из него и труса? Старая пружина, но штатский трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен...»

Н.И.Надеждин (о первой театральной постановки «Горя от ума» в Москве в 1831 г.):

«Молчалиным представляется не менее любопытная физиономия мелких насекомых, выигрывающих себе высокоблагородие в старушечьей бостон и пропалзывающих к крестам на четвереньках, играя со спицами. У г. Денского нет недостатка в средствах передать живо и верно это домашнее животное, коего обыкновенные достоинства составляют: смазливое личико, сладкая речь, спина гибкая, лоб медный. Он и действительно был хорош везде, где являлся, так сказать, официально. Мы с особенным удовольствием заметили его-вращенье-с-спицином Хлестовой и щепетильность, с которою он обтирал с себя пыль, поднявшись с колен пред Софьей Павловной: так именно поступают Молчалины. Но в сценах с служанкою он изменяет истинному значению своей роли. Вероятно, г. Ленский увлекается ложным мнением, что Молчалин есть русский Тартюф. Ничего не бывало! Низость наших Молчалиных не есть лицемерие и притворство: это их природа. В Тартюфе кипит страсти, прорывающиеся сквозь носимую им маску, у Молчалина нет вовсе сердца. Если он заигрывает с Лизой, но так, мимоходом, шутя, для занятия пустоты праздного времени. Итак, ему не следует несколько переменить с нею обыкновенный свой тон: самая наглость его должна быть запечатлена низостью, составляющею стихию его существования. Мы надеемся, что г. Ленский обратит на это внимание и воспользуется нашим замечанием».

А.А.Лебедев: «Чацкий недооценил опасности Молчалина... Чацкий не разглядел в Молчалине «нового человека». Молчалин — это человек при, при ком-то... Но вся штука универсальна, и в этом сила их натуры, их социального организма...»

...Чацкий сошел со сцены.

Молчалин остался.

Онегин прошел.

Молчалин остался.

Печорин погиб.

Молчалин остался.

Ушли герои молодого Герцена, потом — Рудин, Рахметов, Базаров...

Молчалин остался неуязвим. Молчалиных оказалось невозможно одолеть — они были сильны чужой силой. Их нельзя было убить презрением или смехом — их достоинство было в чужом авторитете»